

значимых (в данном случае для международной коммуникации) включений, обладающих особым прагматическим потенциалом.

#### Библиографический список

1. Денисова, Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод [Текст] / Г. В. Денисова. – М. : Азбуковник, 2003. – 298 с.
2. Махлина, С. Т. Словарь по семиотике культуры [Текст] / С. Т. Махлина. – СПб. : Искусство-СПБ, 2009. – 752 с.
3. Мурашов, А. А. Личность и речь: эпоха кризисов [Текст] / А. А. Мурашов. – М. : МОДЭК, 2005. – 504 с.
4. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст] / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.
5. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика [Текст] / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – Москва-Волгоград : Из-во ВГПУ, 2000. – 368 с.
7. Holthuis, S. Intertextualität. Aspekte einer rezeptionsorientierten Konzeption [Текст] / S. Holthuis. – Tübingen : Stauffenburg-Verl., 1993. – 268 S.
8. Kristeva, J. Semiotike. Recherches pour une semanalyse [Текст] / J. Kristeva. – P. : Seuil, 1969. – 215 p.

**М.Р. Напцок**  
*Майкоп, Россия*

### **СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (на материале прозы В. Набокова)**

Исследование художественного дискурса относится к актуальным направлениям современной филологии. Интенсивно развиваются лингвистические аспекты анализа дискурса, рассматриваются различные параметры и специфические особенности этой языковой категории, в том числе лексико-словообразовательный и стилистический уровни текста.

Словообразовательный потенциал языка позволяет расширить творческие возможности художественного дискурса. Одной из важнейших составляющих, формирующих уникальный дискурс писателя, часто

выступает словотворчество, опирающееся на многообразные узуальные и окказиональные способы словопроизводства. Так, словотворчество является неотъемлемой особенностью художественной прозы В. Набокова, в которой широко представлены авторские новообразования (далее – АН).

В. Набоков был носителем традиций русской языковой культуры, перенесенной из дореволюционной России и сохраненной в эмиграции, и в своем творчестве ориентировался на исконную классическую форму языка, закрепленную, в частности, в Словаре В.И. Даля. В то же время писатель известен как виртуозный стилист, стремившийся к созданию нестандартного языка и использовавший в своих произведениях словесную игру, языковые эффекты, а также словотворчество, выступавшее в виде яркого экспрессивного приема.

Особое место в набоковском дискурсе принадлежит периферийной и окказиональной деривации.

Словообразование малораспространенными узуальными способами находит отражение в сфере всех частей речи, отмеченных в словотворчестве В. Набокова: авторских существительных, прилагательных, наречий и глаголов. Писатель использует главным образом парные периферийные способы деривации, являющиеся сочетаниями двух узуальных чистых способов.

В субстантивном словопроизводстве, представленном в исследуемой прозе, выделяются следующие парные периферийные способы:

1) сложение + субстантивация [Улуханов 1996: 64]:

*... **новопоявившийся** чувствует себя как если бы он вдруг спохватился, что повесть, которую он принялся читать в журнале, началась уже давно...* («Соглядатай»);

новопоявившийся ← нов(ый) + -о- + появившийся;

*И часто у меня звучит в ушах мой будущий всхлип и страшный клокоцущий кашель, которым исходит **свежеобезглавленный*** («Приглашение на казнь»);

свежеобезглавленный ← свеж(ий) + -е- + обезглавленный;

*... причем привожу только **удобопроводимое*** (Лолита»);

удобопроводимое ← удоб(ный) + -о- + проводимое;

*Он /Годунов-Чердынцев/ ... тут же примечал, как за стеклом **чистильно-гладильной** ... с избытком пара, словно в аду, мучат пару плоских мужских брюк* («Дар»);

чистильно-гладильная ← чистильн(ый) + -о- + гладильная;

2) усечение + сложение [Улуханов 1996: 62]:

*Некоторым из нас сладко вспоминать, как мы осаживали или обманывали всяких высших чиновников, гнусных крыс, в разных министерствах, префектурах и полицейпрезидиумах* («Другие берега»);

полицейпрезидиум ← полицей(ский) + президиум;

*Я извинился за шум, поднятый дочерними гостями* («Знаете – молодежь...») и на *пол-кваке повесил трубку* («Лолита»);

пол-квак ← пол(овина) + квак(анье);

*...это был, как узналось впоследствии, специальный подогреватель от общества увеспоездок* («Облако, озеро, башня»);

увеспоездка ← увес(елительная) (с' → с) + поездка;

*Ах, это просто Фиалкапсюли. Витамин Икс* («Лолита»);

Фиалкапсюля ← фиал(ковый) + капсуля.

Подобные образования могут рассматриваться как аббревиатуры из сочетания начальной части слова с целым словом (*полицейпрезидиум, увеспоездка, фиалкапсюля*) и из сочетания начальных частей слов (*пол-квак*) [Русская грамматика 1982: 255]. Данным способом образованы и такие собственные имена, как название вымышленного города *Лектобург* (лект(ор) + -о- + бург; от лат. lector – «читатель», в английском варианте – Readsburg, т.е. «город читателей»), *мосье По-По* (от фамилии поэта *Поэ*) из романа «Лолита», *Цин-Цин* (от имени *Цинциннат*) из романа «Приглашение на казнь»;

3) сращение + суффиксация [Улуханов 1996: 63]:

*...ненавижу, когда мою чистокровку впутывают в тляп-да-ляпицу пошлых сапожников...* («Лолита»);

тляп-да-ляпица ← (тляп(да) ляп)(п → п') + -иц(а);

*От стихов она требовала только ямщикнегонилошадейности, обожала играть в покер...* («Дар»);

ямщикнегонилошадейность ← (ямщик, не гони лошадей) + -ность;

4) сращение + субстантивация [Улуханов 1996: 64]:

*Менетекелфарес* (от «мене, текел, фарес» - «сочтено, взвешено, разделено» - знаменья конца на пиру последнего вавилонского царя Валтасара из Книги Даниила) («Король, дама, валет»), *Саван-на-рыло, Умерахмет* («Подвиг»), *фрау Стобой* («Дар»);

5) усечение + суффиксация [Улуханов 1996: 62]:

*На ней /фотографии/ известный драматург самозабвенно затягивал папиросой «Дромадер». Он, мол, всегда курил «фромки»; Гумберсон;*

*Гуммер* («Лолита»);

дромки ← «Дром(адер)» + -к(и);

Гумберсон ← Гумбер(т) + -сон;

Гуммер ← Гум(берт) + -мер;

б) суффиксация + субстантивация [Улуханов 1996: 64]:

*Граальский* («Защита Лужина»); *пан Дождинский* («Подвиг»);

*Евфратский* («Уста к устам»);

Граальский ← Грааль + -ск(ий);

Дождинский ← дождь + -инск(ий);

Евфратский ← Евфрат + -ск(ий).

В прозе В.Набокова выделяются окказионализмы, полученные редким смешанным способом, представляющим собой сочетание трех узуальных чистых способов, - «сложение + суффиксация + субстантивация» [Улуханов 1996: 65]:

*Златорунные* («Дар»); ...он совсем повернул в переливающуюся тень, исподлобья выискивая фиолетовый блик среди *инакоцветных* («Волшебник»);

Златорунный ← злат(о) + -о- + рун(о) + -н(ый);

инакоцветный ← иначе(е) (ч → к) + -о- + цвет + -н(ый).

Алъективное периферийное словообразование представлено в прозе В.Набокова в меньшей степени. Все смешанные узуальные способы деривации, используемые писателем, являются парными. Наибольшая часть прилагательных данной группы произведена в результате сращения в сочетании с суффиксацией - непродуктивного в языке способа, отмеченного в «Русской грамматике-82» [Русская грамматика 1982: 327]:

*самодовольная, как-же-иначная жестокость; Вот видишь - начала с ухарь-купеческого размаха, а кончила тончайшим штрихом* («Дар»);

как-же-иначный ← (как же иначе(е)) + -н(ый);

ухарь-купеческий ← (ухарь-купец(ц → ч)) + -еск(ий).

Кроме того, в словотворчестве В.Набокова используются и другие, менее распространенные в узуальной лексике смешанные способы образования прилагательных:

- усечение + суффиксация [Улуханов 1996: 62]; при этом в двух набиковских окказионализмах обнаруживается редкое начальное усечение основы мотивирующего слова:

*На персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона - до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет*

меня каким-то восторженным гулом! ((мах)аон (н → н') + -ическ(ий)) («Другие берега»);

...он /Менетекелфарес/ отлично знал, что весь мир - собственный его фокус и что все эти люди - Франц, подруга Франца, шумный господин с собакой и даже его же, Фаресова, жена, тихая старушка в наколке... - все только игра его воображения... ((Менетекел)фарес + -ов) («Король, дама, валет»);

- усечение + сложение [Улуханов 1996: 62]; примечательно, что случаи словопроизводства подобным способом отмечаются И.С. Улухановым, а также «Русской грамматикой-82» [Русская грамматика 1982: 255] только среди существительных, а в словотворчестве В. Набокова данный способ действует при создании окказионального прилагательного:

*Допускается, что некто физик сумел разыскать среди абсолют-  
немыслимой суммы атомов, из которых скомпоновано Все, фатальный  
атом...* (абсолют(но) + немислимый) («Дар»).

В глагольном словотворчестве В. Набокова выделяются два парных узуальных способа - префиксально-постфиксальный и суффиксально-постфиксальный. Среди окказиональных глаголов, образованных указанными периферийными парными способами, единично представлены следующие:

1) глагол с преф. *рас-* и постфиксом *-ся*, обладающий значением «начав действие, названное мотивирующим глаголом, достигнуть большой интенсивности этого действия» [Русская грамматика 1982: 388]:

*Старик совсем растрепетался* («Машенька»);

2) деепричастие (*струится* *ночь*, *светофорясь* («Лолита»)) – форма глагола, выступающего в значении «приобретать признаки того, что названо мотивирующим существительным» [Русская грамматика 1982: 384]:

а) *светофор*(р → р') + *-н(ть)* + *-ся* → *светофориться*;

б) *светофор*(нт)ся(ся → сь) + *-я* → *светофорясь*.

В исследуемой прозе отмечено два случая действия тройного узуального способа – сочетания префиксации, суффиксации и постфиксации [Русская грамматика 1982: 390-391; Улуханов 1996:65] - в глагольном словопроизводстве.

Префиксально-суффиксально-постфиксальные глагольные образования, выявленные в прозе В.Набокова, представляют собой неличные формы глаголов - деепричастие (*отбуркиваясь*) и причастие

(*рассказывающийся*). При этом они имеют суф. *-ива-/-ыва-*, постфикс *-ся* и префиксы *от-* и *рас-*:

*.../Иннокентий/ с отцом едва говорил, - все больше отбуркиваясь и хмыкая («Круг»);*

(от «от- + бурк(ать)(к → к') + *-ива(ть) + -ся*»);

*рассказывающаяся тяжесть /книг/ («Дар»);*

(от «рас- + скольз(ить)(о → а, з' → з) + *-ыва(ть) + -ся*»).

В прозе В. Набокова зафиксированы два **адвербиальных** окказионализма, образованных периферийными узуальными способами. Так, наречие *вполгрезы* получено тройным способом – сочетанием префиксации, суффиксации и сложения [Русская грамматика 1982: 409; Улуханов 1996:65]. При этом оно имеет в качестве опорного компонента основу существительного, предопорного компонента - усеченную основу слова *половина пол-*, префикс *в-* и суффикс *-ы* и обозначает признак, осуществляющийся вполнину:

*А еще через час ходьбы вдруг и открылось ему то самое счастье, о котором он как-то вполгрезы подумал («Облако, озеро, башня»);*

*вполгрезы ← в- + пол- + грез(а) + -ы (ср уз. *вполсили*).*

Другое набоковское наречие является результатом сращения в сочетании с суффиксацией – способа, действующего, как правило, при образовании существительных, прилагательных и глаголов [Русская грамматика 1982; Улуханов 1996: 63-64]. В процессе словопроизводства участвует суф. *-ово*:

*...худая чрезвычайно спортивного вида молодая женщина (где я видел ее?) с ярким цветом лица и блестящими медно-красными кудрями до плеч приветствовала Лолиту звонким восклицанием, а затем, обратившись ко мне, необыкновенно жарко, **«жанна-дарково»** (ага, вспомнил!), крикнула...* (в дальнейшем в тексте упоминается, что эта героиня играла роль Жанны д'Арк в городском театре; «Лолита»).

Наряду с периферийными способами узуального словопроизводства в художественном дискурсе В. Набокова широко используются окказиональные способы образования АН, в особенности субстантивных и адъективных. Среди них представлены:

1) контаминация, состоящая в соединении двух узуальных слов, когда «часть одного слова устраняется, то есть не входит в окказионализм, но остается в том фоне, который служит двойному осмыслению окказионализма» [Земская 1992: 191], из-за чего «иногда этот прием

порождения окказионализмов называют каламбурным» [Земская 1992: 192]:

*Она /Лолита/ вошла в мою страну, в лиловую и черную Гумбрию; Любимый напиток мой, джинанас – смесь джина и ананасного сока; Лоттелита; наука нимфетолепсии; Я сделал в частном порядке фильмы из «Жюстины» Сада и других эскапакостей восемнадцатого века («Лолита»); фрески Врублева; /я/ покину Карманию («Дар»); Ближе к ним – к этим гипногогическим увеселениям, о которых идет неприятная речь, – можно поставить красочную во мраке рану продленного впечатления, которую наносит, прежде чем пасть, свет только что отсеченной лампы; Диалог к сожалению прервал третий гость, вошедший с приветствием: «Бонжур, мсье-дам»: почему-то выражения, свойственные французским почтальонам, казались нашим поэтам тонкостями парижского стиля; Исповедь синэстета назовут претенциозной те, кто защищен от таких просачиваний и смешений чувств более плотными перегородками, чем защищен я («Другие берега»); ...таких (то есть посмертно рожденных) зовут трупсиками (“Ultima Thule”);*

Гумбрия ← Гумб(ерт) + Умбрия;

джинанас ← джин + (ан)анас;

Лоттелита ← Лотт(а) + -е- + (Ло)лита;

нимфетолепсия ← нимфет(ка) + -о- + (эпи)лепсия;

эскапакость ← эскапа(да) + пакость;

Врублев ← Вруб(ель) + Рублев;

Кармания ← карман + (Ге)рмания;

гипногогический ← гипно(тический) + (дема)гогический;

мсье-дам ← мсье + (ма)дам;

синэстет ← синэсте(зия) + эстет;

трупсик ← труп + (пу)псик;

2) междусловное наложение, состоящее «в том, что на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова» [Янко-Триницкая 1975: 416]:

*Не сомневаюсь, что доктор Биянка Шварцман вознаградила бы меня целым мешком австрийских шиллингов, ежели бы я прибавил этот либидосон к ее либидосье; ...я спросил у мистера Ваткинса, совершенно ли он уверен, что моя жена не телефонировала: и как насчет койки? Койкинс отвечал, что нет, не звонила (покойница, разумеется, звонить не могла), и что если мы останемся, покойку поставят завтра; Кроваткинс; гениальный хирург изменит собственную карьеру и вместе с нею – как знать*

– всю судьбу человечества, тем, что воскресит *Курилкуильти*; *Рэмбодлер*, *Фишериф*, *Каламбург* («Лолита»); *Дорианна Каренина* («Камера обскура»); *Ведь ты /Конан Дойль/ мог написать еще один последний рассказ, - заключение всей шерлоковой эпопеи...: убийцей в нем должен бы оказаться... сам Пимен всей криминальной летописи, сам доктор Ватсон, - что Ватсон был бы, так сказать, виноватсон... («Отчаяние»);*

либидосье ← либидо + досье;

покойка ← покой + койка;

Кроваткинс ← кровать(ь) + Ваткинс;

Курилкуильти ← курилку + Куильти;

Рэмбодлер ← Рэмбо + Бодлер;

Фишериф ← Фишер + шериф;

Каламбург ← каламбур + -бург (нем. «город»);

Дорианна ← Дорнан + Анна;

виноватсон ← виноват + Ватсон.

Данные АН участвуют в словесной игре, типичной для В. Набокова, например: *койка – Койкинс – покойница – покойка* (см. цитату выше);

3) субституция – окказиональный способ деривации, который «состоит в подстановке одной морфемы на место другой морфемы или произвольного сегмента в готовом слове» [Журавлев 1982: 73]:

*Дитрих фон Зегелькранц* («Камера обскура»); *Мне даже удалось выработать теорию, объясняющую подложный вызов из «Бурдолей»;* *Койкинс, господин Таксович* («Лолита»).

В ряде указанных АН обнаруживается сегментная субституция – «замена неморфемной части слова на морфемную» [Улуханов 1984: 49]:

Бурдолей ← бурд(а) + -о- + (Бердс)лей (ср.уз. водолей);

Койкинс ← койк(а) (к → к') + (Ватк)инс.

В других случаях наблюдается трансрадикация, т.е. мена корневой морфемы [Журавлев 1982: 73]:

Зегелькранц ← Segel /зегель/ + (Розен)кранц (Segel – нем. парус, Rosen – нем. роза, Rosenkranz – венок из роз);

Таксович ← такс(и) (с' → с) + (Максим)ович.

Из приведенных примеров видно, что образование подобных АН обусловлено установкой на словесную игру, благодаря которой происходит каламбурное сближение паронимичных слов;

4) десуффиксация – одна из разновидностей редеривации, чистый окказиональный способ словообразования, обратный прямой узуальной



суффиксации и заключающийся в отсечении от основы мотивирующего слова суффикса [Улуханов 1996: 39, 43]:

*слово «мистик» она /Лиди/ принимала всегда за уменьшительное, допуская таким образом существование каких-то настоящих, больших «мистов», в черных тогах, что ли, со звездными лицами («Отчаяние»); Иначе мы, посвященные, мы, одинокие мореходы, мы, нимфолепты, давно бы сошли с ума («Лолита»); вот такие подробности, подростки лезут («Приглашение на казнь»); Зина Мерц («Дар»);*

мист ← мист(ик) (т' → т);

(нимф(а) + -о- + -лепс(ия)) (с' → т) → нимфолепт (ср.уз. эпилепсия, эпилептик);

порнограф ← порнограф(ия) (ф' → ф);

подроба ← подроб(ность) + -а (здесь происходит двойная десуффиксация – отсечение суффиксов -н- и -ость, а также наблюдается трансфлексация: нулевое окончание меняется на окончание -а);

Мерц ← мерц(ание);

5) деглутинация (переразложение), рассматриваемая в данном случае не в диахронном плане, как обычно, а в синхронном аспекте – как «перемещение границ морфем в составе слова», «в результате чего прежде единая морфема может превратиться в последовательность двух морфем» [Ахманова 1966: 319]. Так формируется новая морфемная структура в узуальном существительном *экстаз*:

*Я ничего не помню из этих песенок, кроме часто повторяющегося слова «экстаз», которое уже тогда для меня звучало как старая посуда: «Экс-таз» [«Дар»] (аналогичный случай отмечен у Е.А. Земской, см.: Земская 1992: 172-173).*

Окказиональная деглутинация проявляется в усложнении основы, приобретающей, кроме корня, еще и префикс, что подчеркивается орфографически дефисным написанием слова. При этом совершенно изменяется семантика мотивированного слова по сравнению с мотивирующим, и полученное окказиональное образование оформляется как результат узуальной префиксации. Так, каламбурное прочтение слова порождает его псевдочленение.

Явление, близкое рассмотренному выше, наблюдается в АН *Кадилли Як*. Однако в данном случае происходит переразложение не одной морфемы на две, а одного слова (одной основы) на два слова (две основы). При этом полученное сочетание слов выступает как неразложимое, обладающее

определенным значением только в единстве компонентов, первый из которых (*Кадилли*) асемантичен, а второй (*Як*) может обладать самостоятельным значением, что создает эффект словесной игры, выполняющий важную роль в контексте:

*...ее дядя, мистер Густав, заехал за ней со щенком кокер-спаньёлем, и приветом для всех, на черном Кадилли Яке...* («Лолита»);

Кадилли Як ← кадиллак (Ø →и, а → я).

Высвобождение связанных частей слова [Земская 1992: 196], аналогичное последнему примеру, происходит и в следующих окказионализмах:

*Ванесса ван Несс, П.О.Темкин* («Лолита»), *Граф Ит* («Занятой человек»).

Наиболее сложный случай деглутинации представляет АН *Адам Н.Епилинтер, Есноп, Иллиной* («Лолита»), являющееся закодированной формой двух фраз: *Адам не пил. Интересно, пил ли Ной?*;

б) окказиональное сращение, или голофразис – «сращение всей фразы в своего рода единое слово (гр. *holos* «целый, весь», *phrasis* «высказывание»)» [Марузо 1960: 79]. И.В. Арнольд характеризует подобное явление (применительно к английскому языку) как «окказиональное функционирование словосочетания или предложения как цельнооформленного образования, графически, интонационно и синтаксически уподобленного слову» [Арнольд 1990: 92].

В такого рода «словообразовании на синтаксической основе» реализуется «функция семантической и синтаксической компрессии» [Швед 1985: 64]. Однако следует подчеркнуть, что голофрастические конструкции не типичны для русского языка и, по замечанию В.Н. Виноградовой и И.С. Улуханова, в словотворчестве В.Набокова, видимо, имеют западную традицию [Виноградова, Улуханов 1996: 276].

У Набокова обнаружены сращения словосочетаний – с сочинительной (*вздрызг-и-всхлип*) и подчинительной (*этадверь*) связью и сращение фразы (*эхтышалунья*):

*...ты обмирала, слушая пластинки первейшего специалиста по вздрозг-и-всхлипу, боготворимого твоими соотроковицами* («Лолита»); *...первая /старуха/, ... с заокеанским захлебом и токанием – защита животных, женские клубы – приказывала – этуанс, этудверь, этусубть – и, царпанув его по ладони, ловно сбила на пол ключ ; ...он вообразил жовиального господина..., который таким способом нажил бы*

*возможность – все так же живописно – на колени к себе забирать эхтышалунью («Волшебник»); И вот уж он /Фердинанд/ шел к нам навстречу ..., сося невозмутимо (а все же с оттенком смотрите-какое-сосу-смешное) длинный леденец лунного блеска, специальность Фиальты («Весна в Фиальте»);*

7) высвобождение аффикса, при котором он получает самостоятельность и используется как слово [Земская 1992: 196; Янко-Триницкая 1975; Улуханов 1996].

Особенность набоковского окказионализма, полученного указанным способом, состоит в том, что мотивирующим является, как часто бывает у В. Набокова, иноязычное слово – английское *childhood*, в котором удаляется корневая морфема *child-* и высвобождается суф. *-hood*, функционирующий в контексте как самостоятельное слово по аналогии с фонетически близкими ему английскими лексемами:

*...карабкаясь /по скалам/, я твержу, как некое... заклинание, простое английское слово «чайлхуд» (детство); знакомый звук постепенно становится новым, странным, и вконец заворачивается, когда другие «худ»'ы к нему присоединяются в моем... мозгу – «Робин Худ» и «Литль Ред Райдинг Худ» (Красная Шапочка) и бурый куколь («худ») горбуни-феи («Другие берега»);*

8) междусловное наложение + суффиксация [Улуханов 1996: 79-80] – сочетание окказионального и узуального способов:

Гумбертольди ← Гумберт + Бертольд + -и (Бертольд – персонаж балагана комедии *dell'arte*);

9) префиксация + субстантивация [Улуханов 1996: 66-67] – окказиональный способ, являющийся сочетанием двух узуальных чистых способов: *доктор Нелюблю* («Лолита»);

10) сложение + сращение - способ, который, как отмечает И.С. Улуханов, «изредка встречается» среди окказионализмов и «в котором объединяются эти два, казалось бы, взаимоисключающих чистых способа» [Улуханов 1996: 67]:

*Я вспомнил вдруг так живо ... эту квартиру в новом доме, выдержанную в современном коробочно-обжурлю-пространство-бесфинтифлюшечном стиле... («Отчаяние»).*

В данном АН, кроме того, наблюдается совмещение нескольких стадий словопроизводства, иначе говоря, процесс деривации носит здесь чересступенчатый характер:

коробочн(ый) + -о- + (обжулю пространство) + (бес- + финтифлюш(ка) + -ечн(ый)) → *коробочно-обжулю-пространство-бесфинтифлюшечный*;

11) сращение + суффиксация + сложение – тройной окказиональный способ, являющийся комбинацией трех узуальных чистых способов [Улуханов 1996: 68]: *нечто жорж-сандово-царственное* («Дар»);

жорж-сандово-царственный ← (Жорж Санд) + -ов(ый) + -о- + царственный;

12) своеобразным с точки зрения характера производства следует признать АН В. Набокова *иностранный-странный-странный*. Возможно, здесь наблюдается декомпозиция с последующим тавтологическим словосложением. Иными словами, в результате декомпозиции извлекается один из компонентов суффиксально-сложного прилагательного *иностранный*, омонимичный узуальному *странный*, а затем исходный композит и редуцированный декомпозиции соединяются в трехкомпонентное сложное образование:

*...это был звук той поры, когда на крымских ночных пикниках баритон Зарянского, потопляемый хором, пел о чарочке, о семиструнной подруге, об иностранном-странном-странном офицере* («Подвиг»).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в художественном дискурсе В. Набокова разнообразно представлены периферийные узуальные и окказиональные способы словопроизводства. Широкое использование малопродуктивных и редких способов словообразования связано со стремлением писателя к нестандартности языка и стиля. Таким образом, в художественном дискурсе заключен неисчерпаемый словообразовательный потенциал, позволяющий творческой языковой личности создавать уникальный, неповторимый язык, с одной стороны, опираясь на классические традиции, а с другой стороны, раскрывая многообразные возможности русского языка.

#### Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: (Стилистика декодирования): Учебное пособие. – М., 1990. – 300 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – 608 с.
3. Виноградова В.Н., Улуханов Г.С. Словотворчество В.Набокова // Язык как творчество. – М., 1996. – С. 267-276.
4. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области

- предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М., 1982. – С. 45-109.
5. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992. – 221 с.
6. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. – М., 1960. – 436 с.
7. Русская грамматика. В 2 т. – М., 1982. – Т. 1. – 784 с.
8. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М., 1996. – 222 с.
9. Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // Вопросы языкознания. – 1984. - № 1. – С. 44-54.
10. Швед В.И. К построению функциональной модели словообразования (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. – 1985. - № 2. – С. 62-68.
11. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования: Ученые записки. – Ташкент, 1975. – Т. 143. – С. 413-418.

**О.В.Обвинцева**  
*Екатеринбург, Россия*

### **МАНИПУЛИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В ВОЕННОМ ДИСКУРСЕ СМИ ПОСРЕДСТВОМ ЭВФЕМИЗМОВ И ДИСФЕМИЗМОВ**

Не вызывает сомнений факт, что средства массовой информации (СМИ) являются мощным средством воздействия на общественное сознание.

Влияние на общественное сознание СМИ осуществляют, прежде всего, через воздействие на информационный процесс. Основными этапами информационного процесса являются получение, отбор, комментирование и распространение сведений. Поэтому отбор наиболее важной информации и ее представление в текстах СМИ – открывает широкие возможности для манипулирования массовым сознанием.

Военные конфликты являются той темой, при освещении которой в СМИ манипулирование используется особенно широко. Военный дискурс СМИ представлен различными жанрами (от военных сводок до интервью политиков о войне), где описывается ведение боевых действий и, связанные с